В начале XX в. в связи с мировым ускорением прогресса в различных областях жизни – в науке, промышленности, в быту, в спорте и т.д. – в Россию хлынуло огромное количество иноязычных слов. И произошло воистину чудесное явление. Без всякого императорского указа, усилиями авторитетных общественных деятелей, интеллигенции многие из этих слов стали заменяться на исконно русские: «аэроплан» на «самолет», «геликоптер» на «вертолет», «голкипер» на «вратарь», «корнер» на «угловой удар».., перечень подобных замен можно продолжать и продолжать... Общество само боролось за свое духовное, нравственное здоровье, неотъемлемой фундаментальной частью которого и является язык.

Государственному **языку –** государственную **поддержку**

Владимир СОКОЛОВ
– доктор философских наук,
профессор кафедры государственной
службы и кадровой политики РАГС,
заслуженный деятель науки РФ

В Конституции Российской Федерации в ст. 68 сказано: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык».

На наш взгляд, это положение имеет две стороны. Прежде всего оно означает, что в государственной, административной сфере, во всех случаях общественного обращения к гражданам (реклама, услуги и т.д.) в обязательном порядке должен использоваться русский язык (наряду с нормативно установленными возможностями использования национальных языков). Другая сторона данного конституционного положения, к сожалению, не столь очевидна и не столь широко обсуждается. **Статус государственного языка предполагает и государственную его поддержку**. В чем она должна проявляться?

Во-первых, в создании эффективной **государственной системы обучения** русскому языку граждан России, всех тех, кто хочет ими стать, и всех, кто просто желает им овладеть.

Во-вторых, во всемерной широкой **государственной и общественной пропаганде** грамотной русской речи и грамотного письма, пропаганде, направленной на защиту его

чистоты, на борьбу с неуважительным отношением к нему, намеренным или непреднамеренным его искажением, загрязнением.

В-третьих, и это, пожалуй, главное, в принятии действенных **государственных законодательных, правовых актов**, содержащих нормативные требования соблюдать правила русской речи и русского письма, запрещающих его засорение, актов, адресованных всем организациям РФ без различия их статуса и формы собственности, всем гражданам, в той или иной степени связанным с общественными сферами деятельности, с общественными коммуникациями, с предоставлением населению различного рода услуг.

Если государство предпринимает определенные усилия по совершенствованию преподавания русского языка – расширяется сеть соответствующих учебных заведений, кафедр и других форм обучения как в нашей стране, так и за рубежом, – то с двумя другими положениями дело обстоит значительно хуже: они просто отсутствуют в жизни современного российского общества.

Сейчас не особенно принято цитировать Ленина, но разве не урок для нынешних руководителей страны, что из уст самого авторитетного государственного деятеля своего времени многократно звучало требование соблюдать нормы русского языка, что законы надо писать так, чтобы они были не засорены различными «новоделами», «нелепыми сокращениями слов», «бюрократическими вывертами». Первый человек в государстве призывал объявить войну коверканью и засорению русского языка иностранными словами: «Русский язык мы портим, иностранные слова употребляем без надобности, употребляем их неправильно». Как было бы хорошо, если бы и в наше время авторитетные государственные деятели проявляли столько же заботы и внимания к русскому языку!

Сказанное можно отнести к «государственной пропаганде» (назовем так условно постоянное внимание к языковой культуре государственных деятелей разных рангов, власти в целом). Подобная пропаганда содействует развитию очень важного феномена – формированию *общественного* мнения, *общественных* действий, *социальной* активности по отношению к проблемам русского языка. Это становится реальной силой, эффективным средством в его защите.

Русский язык исторически очень терпим и к иноязычию, и к языковому новаторству. Языковеды давно установили, в каких случая возможна и естественна в русском языке ассимиляция иноязычных слов. Прежде всего, когда в него приходят слова, обозначающие предметы, явления, не изобретенные, не открытые у нас, – кондиционер, телевизор, компьютер и все, что «принадлежит» ему, – файл, бит, дисплей и т.д. (Хотя и в данном случае проявляется удивительное стремление народа найти им русское соответствие. Это не только «самолет» в начале XX в., но и сегодняшние «пылесос», «духовка», «жвачка» и многое другое.) Далее, это слова, которые хотя и есть в русском языке, но не вполне соответствуют иноязычным, несколько различаются по тому, что они отражают: уют – комфорт; обслуживание – сервис, сообщение – информация и др. Наконец, это иностранные слова, ана-

логи которых есть в русском языке, но которые различаются по сферам применения: предупредительный — превентивный; вывоз — экспорт; преобразователь — трансформатор и др.

Но во все времена язык самоочищался от иностранных слов, которые имеют *полные аналоги* в русском языке, от слов, чуждых ему по своей фонетике, грамматическому строю и т.д. Этой-то «очистке» помогали и сила общественного строя, и власть предержащие.

Как обстоят дела с сохранением и развитием русского языка в современном российском обществе? По нашему глубокому убеждению — катастрофически плохо. Причины этой катастрофы носят не языковедческий характер, а политический, идеологический.

Бурное, зачастую неосознанное и хаотическое развитие демократии в начале 90-х годов в общественной жизни России, помимо действительно позитивных перемен (свобода слова, многопартийность, открытие границ с миром и т.д.), привело и к весьма плачевным результатам. Свобода многими стала восприниматься как вседозволенность, глобализация — как обязательная и естественная модель развития всех сфер жизнедеятельности, патриотизм — как «прибежище негодяев» и все духовное в целом — как понятие, выдуманное «или русофилами, или бездельниками», и как «антитеза рыночного прагматизма» (цитаты из высказываний современных либерально-демократических «ястребов»). Отсюда и соответствующее отношение к русскому языку.

Воистину взрывное лавинообразное нашествие иностранных слов на русскую речь (в основном англоязычных) стало восприниматься, во-первых, как пришествие полной свободы в общественную жизнь, как крушение всех и всяческих «занавесов» между Россией и Европой, Америкой, во-вторых, как признак «личной духовной раскрепощенности», демонстрация своей «образованности», в-третьих, как идеологическое предпочтение западным нормам жизни, в том числе и языковым. Все вместе это привело к пренебрежению русской языковой культурой, к массовому засорению языка, его отрыву от «простого народа». Выскажем, может быть, и спорное предположение, что делалось и делается это не только бессознательно или в силу своей культурной ограниченности, но и сознательно, с русофобских позиций.

Сегодня практически во всех сферах жизни появляются иноязычные заимствования, которые *никак не оправданы никакими объективными законами языкотворчества*. Примеров тому — тьма. Исконное русское слово «дом», имеющее разветвленную грамматическую «семью» (домашний, домовой, домовитый и т.д.), заменяется нерусским словом «хаус». И вот в изобилии появляются «кофе-хаус», «виски-хаус» и даже «котлеты-хаус». На витринах магазинов метровыми буквами пишут «сейл», и забывается русское слово с абсолютно идентичным значением — «распродажа». В головы населения в рекламах, в статьях, в публичных обращениях вбиваются «шопинги», «шоп-туры», «шопы», но есть же полные русские аналоги — «покупки», «поход (поездка) за покупками», «магазины». В сфере спорта появляются не только иноязычные слова, обозначающие при-

шедший к нам новый вид спорта, что хоть как-то оправданно: скейтборд, виндсерфинг, армрестлинг, кикбоксинг, фристайл и т.д., но на иностранные термины заменяются и те русские слова, которые полностью им адекватны и исторически давно присутствуют в русском языке: «овертайм» – добавочное время; «плей-офф» – выход в финал. В сфере культуры появляются «триллер», «хит», «ток-шоу», «кастинг», «прайм-тайм», «креативный», «промоутер», «римейк», «постер», «мультиплекс», «блокбастер» и множество других слов, заменяющих *исконно русские* слова, являющиеся синонимами выше названных: «кастинг» – «отбор»; «постер» – «небольшой плакат»; «креативный» – «творческий»; «мультиплекс» – «многозальный кинотеатр». Политики жонглируют словами «электорат» вместо «избиратели», «преференция», «плюрализм»... Можно бесконечно приводить примеры почти из всех видов жизнедеятельности настойчивой, навязчивой замены слов русского языка на иноязычные (чаще всего английские).

Такая языковая агрессия касается не только замены русских слов на иностранные (хотя это главное оружие), но и множества других форм. Вставляют буквы латинского алфавита в русское слово («Zемфира», «ГлюкOZa», «Rай-кафе»); все чаще встречаются без перевода в названиях статей, в рекламах, в публичных выступлениях и т.д. слова «ноу-хау», «Fashion-News», «Underground», «киднеппинг», «видиодайжест»... Иностранные слова употребляют в русской речи не в их подлинном значении: слово «бутик» во французском языке означает «маленький магазин, лавка», в русском ему приписывают значение эксклюзивного, дорогого магазина и т.д. и т.п.

Как же не назвать все это агрессией на духовную основу нации, на ее язык? Подмена русских слов иноязычными есть политическая акция, направленная на подавление российской ментальности – ее патриотизма, гордости за свою культуру, высокой оценки ее в мировом культурном процессе и т.д., принижение «русскости», попытка силой «втащить» Россию в чуждую ей среду, что прямо противоположно естественному процессу вхождения нашей культуры в различных ее аспектах в русло современной цивилизации.

Можно возразить (некоторые так и делают), что русский язык – исторически всегда доказывал свою удивительную способность к самоочищению, справится он и с нынешней агрессией. Да, это действительно так. Но, на наш взгляд, здесь надо учитывать ряд взаимосвязанных обстоятельств.

Во-первых, существует, если так можно сказать, «точка невозврата». Под мощным прессом средств массовой информации определенной политической направленности, соответствующего рода политиков, давления «попсы» (кстати, иноязычный сленг, тоже «внедряемый» в сфере культуры!) могут надолго, если не навсегда, исчезнуть многие исконные русские слова, язык в значительной степени потеряет свою значимость как фундамент национальной культуры. И мы можем потерять целое поколение молодых людей как носителей грамотной русской речи.

Во-вторых, самоочищению языка надо помогать. И помогать эф-

фективно и всесторонне. Без этого данный процесс может опасно затянуться и быть не столь действенным. В чем может проявляться подобная помощь?

Прежде всего, в создании здоровой атмосферы в обществе. Общественные силы во всех своих формах и проявлениях должны бороться за чистоту русского языка. Острые, принципиальные, постоянные выступления наиболее уважаемых в народе людей различных профессий, интеллигенции, ученых, политиков, борьба различных общественных объединений, фондов «В защиту русского языка», «Любителей русского языка» и т.д. Возможен и общественный бойкот спектаклей, основным «художественным» приемом которых является мат, журналов, особенно рассчитанных на молодежь, которые нельзя читать без специальных словарей сленга и иноязычных слов и др.

Повторяю, форм и методов общественного контроля множество. Но все они возможны только при развитом гражданском обществе, при том, что оно опирается на активное здоровое общественное мнение. Чего нет сегодня. Ну и что же делать нам в этом случае? Надо ждать, пока гражданское общество и активное общественное мнение возникнут сами по себе? Нет, конечно, все это необходимо настойчиво и целенаправленно формировать. В процессе данного формирования особую роль играет **принципиальная, общественно выраженная позиция власти и соответствующие данной позиции нормативные документы**. Ни первого, ни второго у нас практически нет.

Нет требований, призывов, обращений представителей современной высшей власти в стране по вопросу защиты русского (государственного!) языка. А ведь в истории России подобное было. В 1929 г. **в специальном Постановлении СНК СССР о языке** отмечалось, что законодательные органы «недостаточно тщательно прорабатывают различные нормативные акты, их положения не точны, не ясно формулируются…», «…формы изложения не только не популярны по языку, но просто засорены чуждыми русскому языку словами…, что нередко затрудняет понимание закона даже для лиц, имеющих большой опыт законодательной работы».

Советская печать активно включалась в борьбу за речевую культуру вообще и в законодательстве особенно. Она не раз подвергала острой критике новые канцелярские шаблоны, заумные обороты речи, злоупотребления иностранными терминами. О подобном языке ярко и точно сказал В. Маяковский: «Как нарочно создан он для чиновничьих делячеств» («Служака»). На страницах не только популярных изданий, но и специальной литературы — журналов «Советское строительство», «Советская юстиция» и др. — развернулась в те годы оживленная дискуссия по вопросам языковой законодательной культуры. Характерно, что в 1929 г. было проведено всесоюзное социологическое исследование по вопросу о том, насколько понятен народным массам язык советских законов. Все это касалось, конечно, не только языковой законодательной сферы. В 30-е годы по инициативе М. Горького была начата общественная дискуссия по вопросам культуры русского языка во всех ее проявлениях.

Нет особой необходимости доказывать, что сегодня мы и в малой степени не имеем подобного внимания властей к языку. Но с чего-то надо начинать, если мы хотим сохранять и развивать русский язык — основу нашей национальной культуры. Глубоко убежден, что начать надо с принятия *специального федерального закона о русском языке*. Известно, что подобные законы о защите национального государственного языка приняты в ряде стран.

Осведомленный читатель может возразить: подобный закон у нас есть! Действительно, 1 июня 2005 г. вступил в силу Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». В его статьях подробно изложены все сферы использования русского языка как государственного, говорится об обеспечении прав граждан РФ на его пользование, о роли государства в данной сфере... Нужные нормативные требования. Есть и специальная статья 5 «Защита и поддержка государственного языка РФ». В ней сказано, что государство принимает законы о языке, обеспечивает права граждан на его пользование, декларируется необходимость содействовать изучению русского языка, изданию специальной литературы... Но где же конкретные меры по его защите и поддержке, где запреты на различные формы его уничижения, его порчи, где нормативные положения о том, какое наказание за это следует и кто будет наказывать? Всего этого в законе нет. Есть только один (!) пункт (и то из другой статьи закона) о том, что «при использовании русского языка как государственного языка РФ не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». И что же, слова «консенсус», «хаус», «шоп», «топ-менеджер» и т.д. и т.п. не имеют аналогов в русском языке? Так почему же они и сегодня не сходят со страниц СМИ, реклам — законодательно определенных сфер применения русского языка?! Потому что нет в цитируемом законе ни мер наказания за его нарушения, ни специальных органов, определяющих эти нарушения. Как нет в нем и многих других положений, совершенно необходимых для эффективного функционирования закона. Положений, которые в полной мере присутствуют в соответствующих законодательных актах других стран. Стоит в связи с этим процитировать ряд прекрасных, по нашему мнению, положений французского закона о государственном языке, вне всякого сомнения, очень полезных и для нашего законотворчества в этой области.

В августе 1994 г. Национальным собранием и сенатом Франции был принят закон, касающийся французского языка. Согласно его положениям, «неиспользование французского языка в условиях, предусмотренных законом (когда есть французский аналог иностранному слову. — *В.С.*), в системе государственной службы, государственных учреждений» влечет за собой различного рода административные наказания (штрафы, выговоры и т.д.), вплоть до увольнения ответственных лиц. В частных, коммерческих структурах подобное нарушение карается огромными штрафами.

«Неиспользование французского языка для любой надписи или объявления, вывешенного или сделанного на улице или дороге, в любом месте, открытом для публики, либо в общественном транспорте и предназначенного для информации публики» наказывается таким же образом. Если же какая-либо коммерческая фирма вообще хочет называться «по-иноязычному», то за это она должна платить весьма высокие налоги.

«В случае обнаружения товаров или продуктов, не соответствующих настоящему закону (информация дана не на французском языке. — *В.С.*), отбирают образцы этих товаров или продуктов, характеризующие отдельную партию, либо эти товары или продукты в целом». Российские комментаторы данного закона справедливо пишут, что, действуй он у нас, пришлось бы милиции изымать львиную долю импортных товаров и снять добрую половину уличной рекламы.

В цитируемом законе есть еще одно очень важное положение. Французские власти не уповают только на *законодательные* меры в борьбе за чистоту государственного языка, против засилья иноязычных слов, против иностранной рекламы и непереводимых этикеток. Они помогают в организации *общественных сил*, которые бы содействовали победе в этой борьбе. Именно с этой целью в законе есть специальное положение о том, что «любая общественная организация, заявившая о своем создании в установленном порядке, имеющая в качестве записанной в уставе цели защиту французского языка», получает мощную государственную поддержку, если только «активная деятельность по защите французского языка» ведется «при уважении к другим языкам и культурам».

Более того, во Франции не ограничились изданием одного только закона о защите своего государственного языка. Власти страны уделяют этой проблеме постоянное внимание. Совсем недавно, например, министерство финансов Франции объявило, что в официальных документах запрещается использование некоторых англоязычных терминов, что вместо них необходимо употреблять французские слова. В «черный» список попали, в частности, такие весьма распространенные в обиходе слова, как «файл», «e-mail» и др. В официальных бумагах теперь требуется писать «courier electronique» (электронная почта).

В результате действий этого закона, других нормативных документов, принятых в его рамках, а также активной общественной поддержки своего языка сегодня во Франции везде и всюду можно увидеть то, что сами французы называют «торжеством французской речи», — почти полное отсутствие неправомерного употребления иноязычия.

Что же должно быть в новом законе РФ о русском языке (или дополнено в уже принятом)? Прежде всего, более строгие нормативные требования *запрета* (а не просто «не допускается») употребления во всех сферах публичной общественной жизни — законодательство, СМИ, реклама, торговля, услуги и т.д. — иноязычных слов, если есть их аналоги в русском языке.

Кроме того, в законе о русском языке необходимо положение о *грамотном его употреблении*. Сегодня сплошь и рядом можно

встретить грубые орфографические, лексические и другие языковые ошибки в газетах, в «бегущей строке» по ТВ, в рекламе, в книгах и т.д. Совершенно неправомерно, что в большинстве массовых книжных, газетных и других изданий ликвидирована должность корректора. Никто не несет ответственности за безграмотность русского публичного письма! Точно так же, как и за речь устную. Как легенды вспоминаются воистину драконовские меры и меры административного характера и общественного воздействия в советские времена, направленные на то, чтобы речь дикторов, театральных артистов была эталонной с точки зрения чистоты русского литературного произношения, литературной лексики.

Вне всякого сомнения, законодательно должно быть *запрещено публичное употребление ненормативной лексики* везде – на улице, в книгах, в театре и т.д. А то М. Швыдкой, возглавлявший Агентство по культуре (!), затевает серьезную дискуссию о том, насколько оправданно употребление мата в «культурной жизни страны» (одна из тем его телевизионной передачи «Культурная революция»).

От противников принятия специального закона о русском языке зачастую приходится слышать, что, мол, он не может действовать, поскольку кто же будет определять соответствие иностранных слов русским? Да нет в этом особой проблемы! Еще в 20-х годах прошлого столетия при секретариате ЦИК СССР была создана комиссия по языку законов. В 1988 г. в рамках Отдела литературы и языка Академии наук СССР вновь воссоздана Орфографическая комиссия. Более того, у нас существует Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Так что есть кому поручить (законодательно!) *государственную функцию* эксперта в сфере русского языка. Главное – было бы искреннее желание решительно и эффективно бороться за его чистоту.

И, конечно, в подобном законе должны быть определены четкие и строгие меры *наказания* конкретных организаций, ответственных работников за невыполнение его нормативных требований, чтобы не было нашей классической российской «игры»: законы принимаются и не исполняются.

Хочется закончить эти заметки, хотя, может быть, это и не очень патриотично, прекрасными словами о своем родном языке, сказанными в Законе Франции: «Являющийся государственным языком Республики в соответствии с Конституцией французский язык (а у нас – русский! – *В.С.*) представляет собой основной элемент исторического лица и наследия Франции (России! – *В.С.*). Он служит языком образования, работы, обменов и услуг в государстве. Он является основной связью между государствами, составляющими Сообщество франкоязычных (русскоговорящих! – *В.С.*) народов». Конечно, было бы более патриотично цитировать закон РФ о защите и развитии русского языка.

Нет сомнения, что вернуть России славу одной из ведущих держав мира и по своей экономической мощи, и по мощи духовно-нравственной, и по культурному потенциалу без подобного закона, как и вообще без активного внимания и властей, и всего общества к русскому языку, – невозможно.